

О ПРИСОЕДИНЕНИИ К СТАТУТУ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО СУДА И ЕГО ВЫПОЛНЕНИИ В РОССИИ

© Марочкин С.Ю.

*Доктор юридических наук, профессор
заведующий кафедрой международного права,
Тюменский государственный университет,
Россия*

Указанные в заглавии вопросы уже обсуждались в различных ракурсах на региональной конференции “Международный уголовный Суд: ратификация и имплементация на национальном уровне” в Москве в марте 2001 г. Московским представительством МККК распространено также заключение экспертов “Соответствие российского национального законодательства Статуту Международного уголовного суда” по состоянию на октябрь 2001 г. Вследствие этого нет необходимости повторять отраженные в документах мнения и аргументы по поводу ратификации Статута (до вступления его в силу речь шла именно о ратификации). Вместе с тем, с учетом вступления Статута в силу, началом работы Суда без участия России целесообразно высказать некоторые дополнительные соображения.

Участие России в Статуте предполагает выяснение двух юридически значимых вопросов:

- выражение согласия на его обязательность со стороны РФ;
- правовые способы его выполнения Россией.

Первый вопрос связан с соответствием Статута Суда Конституции РФ, второй – с его соответствием российскому законодательству.

Что касается первого вопроса, то момент возможности ратификации упущен. Очевидно, что речь теперь может идти только о присоединении к Статуту. Технологически эти процедуры не отличаются, обе реализуются путем принятия федерального закона. Впрочем, не форма выражения согласия на обязательность Статута требует обсуждения, а то, насколько Статут соответствует Конституции России. Согласно ст. 22 Федерального закона “О международных договорах Российской Федерации” договор, не соответствующий Конституции, вступает в силу для РФ только после внесения соответствующих изменений в Конституцию. Иными словами, важно установить, необходимы ли изменения и дополнения в Конституцию.

Заметим, Закон не требует аналогичного предварительного приведения законодательства в соответствие международному договору и, насколько можно судить по законодательной практике, это осуществляется после ратификации договора. Поэтому толкование экспертами п.4 ст. 16 Закона и их вывод (“ратификации Статута МУС должна предшествовать имплементация Статута”) представляются не точными (с. 6 названного заключения). Во всяком случае, различия между законодательством и договором не являются юридическим препятствием его ратификации (при-

соединению к нему).

Судя по содержанию Статута, вопрос о его конституционности может включать несколько моментов, в частности :

- нерушимость суверенитета государства;
- передача обвиняемых в распоряжение Суда;
- неприкосновенность должностных лиц государства;
- осуществление правосудия только судами.

В настоящее время выделенные моменты имеют гипотетический характер, поскольку официально еще не обозначены. Но, судя по Закл^ючению Конституционного Суда Украины по аналогичной проблеме, они могут возникнуть в процессе присоединения России к Статуту.

Суверенитет. Сомнения могут возникнуть в связи с положением ст. 1 Статута (“Суд дополняет национальные системы уголовного правосудия”) и ст.4 (“Суд может осуществлять свои функции и полномочия на территории любого государства-участника”) в свете ч. 1 ст.3 Конституции РФ : “Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ”.

Сомнения отпадают, если иметь в виду следующее:

– вопрос об изменении носителя суверенитета и источника власти в РФ в контексте Статута не ставится;

– Суд не заменяет и не подменяет, а лишь дополняет систему правосудия в России;

– не только из буквы, но и из духа Конституции вытекает, что она направлена не на создание изолированного общества, а на сотрудничество в общемировых проблемах. В этом русле, в частности, сформулирована ст. 79 об участии России в межгосударственных объединениях и о возможности передачи им части своих полномочий в соответствии с международными договорами;

– для России уже действуют в порядке правопреемства международные договоры (конвенции), заключенные еще СССР, которыми предусматривается возможность создания международного уголовного суда (Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г., Конвенция о предупреждении преступления апартеида и наказании за него 1973 г.). Таким образом, наша страна уже достаточно давно и определенно выразила свою позицию, и для нее это международно-правовые обязательства.

Что касается п.2 ст. 4 Статута “Суд может осуществлять свои функции и полномочия ... на территории любого государства-участника и, по специальному соглашению, на территории любого другого государства”, то буквальное толкование наводит на мысль, что речь здесь идет, прежде всего, о месте работы, выполнении функций Суда, а не об осуществлении власти на территории государств.

Ссылка на принципы государственного суверенитета и невмешательства во внутренние дела не должна стать препятствием присоединению к Статуту. Усиливающаяся взаимозависимость государств, целостность

мира являются, по всей видимости, неуклонной тенденцией. Превалирующее значение приобретают общечеловеческие проблемы и, в частности, уважение и обеспечение прав человека.

Происходящие изменения не могут не влиять на ценность и значимость основных принципов международного права. Безусловно, все они должны толковаться и применяться во взаимосвязи. Но это не исключает, вместе с тем, их различного значения в разные исторические периоды. Государственные границы, суверенитет, невмешательство уже не играют изначальной роли, утрачивают черты незыблемости и абсолютности. Общая тенденция развития, очевидно, такова, что более важное значение обретает потребность уважения прав человека. Возрастает значение международных органов и организаций с полномочиями, традиционно входившими во внутреннюю компетенцию государств. Это явление и даже веление времени, отмечаемое как официальными лицами, так и учеными.

Неучастие в Статуте со ссылкой на то, что полномочия Суда нарушают, якобы, государственный суверенитет России, было бы позицией вчерашнего дня и даже прошлого века.

Передача лиц Суду. По данному вопросу в названных материалах конференции и в заключении экспертов обозначены достаточно аргументированные мнения, и нет необходимости их повторять. На мой взгляд, и в этой части Статут не противоречит Конституции, поскольку речь в нем идет не о выдаче иностранному государству, что запрещается Конституцией, а о передаче в распоряжение международного Суда.

Неприкосновенность должностных лиц. Возможность международной уголовной ответственности должностных лиц общепризнанна, в том числе и нашей страной еще со времен СССР (Устав Нюрнбергского трибунала, Конвенция о геноциде, Конвенция об апартеиде). Имеются в виду и их положения о создании международного уголовного суда и о его юрисдикции.

Следовательно, это уже действующие для России обязательства, и положения Статута не новы. Статут, наконец, реально воплощает давнюю потребность международного сообщества. Эффективность международного права во многом ограничивалась отсутствием реального действенного механизма сдерживания и пресечения международных преступлений.

Конституционные нормы о неприкосновенности Президента (ст. 91), членов Федерального Собрания (ст. 98), судей (ст. 122) не означают, безусловно, абсолютной свободы их действий, в данном случае – безнаказанности в случае совершения международных преступлений. Это вытекает из духа и буквы самой Конституции.

Так, ст. 6 говорит о равных правах и обязанностях граждан РФ, ч. 2 ст. 15 – об обязанности органов государственной власти, должностных лиц соблюдать Конституцию и законы. Подчеркнем, эти нормы находятся в главе об основах конституционного строя, которая имеет приоритет над всеми иными положениями Конституции (ч. 2 ст. 16).

К данному выводу подводят и статьи об отрешении Президента от должности (ст. 93), о лишении неприкосновенности членов Совета Феде-

рации и депутатов Государственной Думы (ст. 98), о прекращении или приостановлении полномочий судей (ст. 121).

Осуществление правосудия судами. Статут не затрагивает и конституционных положений о судебной власти.

Глава 7 Конституции “О судебной власти” говорит о правосудии именно в Российской Федерации и, соответственно, о судебной системе России, не касаясь деятельности международных судов. Кроме того, напомним, МУС функционирует на основе принципа дополнительности.

В общем итоге, на мой взгляд, Статут не противоречит Конституции России, и в этом смысле нет юридических препятствий для присоединения к нему. Вопрос в большей мере не правовой, а политический. Иными словами, это вопрос о политической воле, и в значительной мере зависит от тех структур и должностных лиц, которые представляют Президенту предложения о присоединении России к Статуту.

Можно сказать более – противоречит Конституции не Статут, а соответствующее толкование положений Конституции в направлении невозможности или нецелесообразности присоединения к Статуту.

Второй вопрос – о выполнении Россией обязательств по Статуту. Он вполне может решаться после присоединения к нему. Еще раз подчеркну несогласие с выводом экспертов о необходимости предварительного приведения законодательства в соответствие со Статутом (с. 6 заключения).

В практическом же плане это вопрос о правовых способах осуществления Статута.

Если анализировать текст с этой точки зрения, то выделяются три группы норм.

Первая – нормы о статусе, функциях, структуре, организации и процедуре деятельности самого Суда, об общих принципах права и уголовного права. Они ориентированы на действие вне России, в сфере межгосударственной юрисдикции. Их подавляющее большинство – 93.

Нормы второй группы предполагают соответствие законодательства РФ Статуту – о понятии и элементах преступлений, о международном сотрудничестве, о судебной помощи, либо адресованы государству (требуют определить ответственный орган, выполнить те или иные действия). Например: “государства-участники обеспечивают наличие процедур, предусмотренных национальным правом, для всех форм сотрудничества”. Таких статей около 29.

Третья группа – нормы, действующие непосредственно в отношении индивидов, но тоже в международной сфере (права обвиняемого, потерпевших, свидетелей). Таких норм – порядка 25.

Заметим попутно, что некоторые нормы по своему характеру смешанные, т.е. их можно отнести одновременно к трем группам – например, ст. 19 о протестах в отношении юрисдикции Суда, ст. 22, 23, 24, 25-33 об общих принципах уголовного права.

Очевидно, что первая и третья группы – самоисполнимые нормы (их три четверти), т.е. адресованы конкретно Суду либо лицам, не требуют

конкретизации и могут непосредственно применяться.

Здесь вновь можно не согласиться с экспертами: по их мнению, практически все нормы несоизмеримые, за исключением ст. 16 (отсрочка расследования или уголовного преследования). Как видно из классификации, как раз наоборот – большинство норм несоизмеримые, но в международной сфере.

Что касается относительно небольшой группы норм (второй) Статута, которые предполагают приведение законодательства в соответствие, то изменений потребуют прежде всего уголовное и уголовно-процессуальное законодательство. Так, часть пятая УПК РФ “Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства” адресована только государствам и не рассчитана на участие межгосударственных органов.

Сложнее проблема в УК РФ. Порядка 50 статей подлежат изменению в целях согласования со Статутом. Строго говоря, последний не требует инкорпорации составов преступлений и их элементов в национальное уголовное законодательство. Вместе с тем УК “игнорирует” международные договоры, не воспроизводит конституционную норму о приоритете их применения, отмечая лишь, что он основывается на Конституции и общепризнанных принципах и нормах международного права (ст. 1). Очевидно явное внутреннее противоречие Кодекса, т.к. ряд статей (11, 12, 13 и др.) имеет отсылку к договорам, более того, подчеркивает их применение, если они устанавливают иные правила, чем УК. Следовательно, в соответствующих случаях Кодекс основывается и на международных договорах!

Имея в виду сложность законодательной процедуры, можно предположить, что приведение законодательства в соответствие со Статутом будет достаточно продолжительным. Но в течение этого времени возможность выполнения обязательств по Статуту вполне предоставляет ч. 4 ст. 15 Конституции о приоритете применения международных договоров как составной части правовой системы РФ.

ПРОБЛЕМЫ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ РИМСКОГО СТАТУТА МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО СУДА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© Батырь В.А.

*Кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника кафедры военного права,
Военный университет, Москва,
Россия*

Интерес к проблемам международного уголовного права всегда был велик. Большой вклад в разработку концепции международных преступлений внесли такие ученые, как Л.Н. Галенская, С.А. Голунский, Г.В. Иг-